

СВЯТЫЕ-ЧУДОТВОРЦЫ В НАРОДНОМ ИСЛАМЕ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

Р.А.Рамазанов, В.О.Бобровников

(на материалах села Шиназ)

Что означает ныне простонародные верования и религиозные обряды мусульман Южного Дагестана? Как изменились традиционные нормы народного ислама после семи десятилетий антимусульманских репрессий? Ученые еще не дали удовлетворительного ответа на эти вопросы. Авторы статьи хотят разобрать их на примере большого и древнего южно-дагестанского аула Шиназ Рутульского района. Основным материалом для статьи был собран Р.А.Рамазановым в ходе продолжающейся уже более четверти века его краеведческой работы в родном селе. Эти данные не удалось включить в книгу автора о Шиназе, подготовленную к печати ещё в годы «перестройки».

Прежде всего во избежание кривотолков следует оговорить, что мы понимаем под народным исламом современных дагестанцев. Это результат сложного переплетения в простонародном сознании пласта местных религиозных и фольклорных представлений с обрядами и вероучением ислама.

Как известно, народы Южного Дагестана приняли ислам уже в первые века хиджры (7-11 вв. н.э.). С этих пор они создали богатую и самобытную культуру на основе ценностей арабо-исламской цивилизации. В ней можно выделить два уровня. Во-первых, это памятники высокой книжной мудрости и богословской учености, прославившие дагестанцев в исламском мире.

Среди них достаточно указать хотя бы на суфийский трактат мусульманского ученого (алима) 11в. Абубакра Мухаммеда Дербентского, труды по фикху (мусульманскому праву) 17-18вв. Мухаммеда из села Кудутля, творческое наследие проповедника идей накшбандийского тариката и наставника дагестанских имамов 19 века Мухаммеда Ярагского, «Асари Дагестан» ученого 19 – начала 20вв. Гасана ал-Кадари.

Эти и десятки тысяч других мусульманских рукописей до революции хранились в библиотеках сельских мечетей Дагестана, имевших при себе

религиозные школы. Свою лепту в развитие интеллектуальной исламской культуры внес и Шиназ. Уже средневековые арабские хроники 13 века

называют его одним из крупных культурных и религиозных центров Южного Дагестана.

О былом величии аула сегодня наглядно свидетельствуют плиты с куфическими арабскими надписями 11-12вв, минарет древней джума мечети, построенный в 11 веке и реставрированный в 17 веке, развалины медресе, где в 18 веке находилась школа известного ученого энциклопедиста Исмаила Шиназского. В домах шиназцев сохранились разрозненные тома сочинений этого алима и некоторые другие арабские рукописи 13-14вв. Накануне установления советской власти в Шиназе кроме джума-мечети было еще 10 мечетей, по две в каждом квартале, не дошедшие до наших дней. В шиназском медресе начинали свое образование немало известных южнодагестанских алимов.

С исламской культурой интеллектуалов в Шиназе и других дагестанских аулах всегда соседствовал «низкий» простонародный ислам. В современных исламоведческих сочинениях его принято называть «исламом гробницы». Действительно, центральное место в нем, как правило, занимает мавзолей местного святого. Простонародные исламские культы основаны на идее посредничества (тавассуль) и заступничества (шафаа) удостоившихся святости праведных шейхов за простых мусульман перед Аллахом. Все эти арабские понятия еще в раннем средневековье прочно вошли в языки и религиозное сознание дагестанцев, где сохраняются и поныне.

До сих пор в Южном Дагестане святыми почитаются гробницы, приписываемые арабским завоевателям и миссионерам 8-18вв., местным алимам и шейхам, суфиям, павшим в сражениях за веру вплоть до Кавказской войны середины 19 века мученикам (шахидам), а также юродивым. Местные жители ищут заступничества перед Аллахом и у «святых» гор, пещер, камней, деревьев и озер. Подобных святых мест немало в Шиназе и его окрестностях. Здесь они называются уджа (букв.«святилище»). Народная фантазия особенно часто ищет их на близлежащей горе Цийкбул, где, по преданиям, незримые святые шейхи. Кроме того, шиназцы почитают мавзолеи своих праведников, а также алимов, среди которых есть гробницы двух учеников упомянутого нами выше Исмаила Шиназского. Всего до эпохи антимусульманских гонений 30-70-х годов насчитывалось 19 святых гробниц в самом Шиназе усыпальницы в его окрестностях. Некоторые из них сохранились до наших дней.

Невольно возникает следующий вопрос: Как высокообразованные дагестанские алимы, в том числе и шиназцы, мирились с почитанием их

земляками окрестных святилищ? Не казалось ли это грубым извращением догмата единобожия (таухида), обязательного для всех правоверных мусульман? Изучение дагестанских богословских трактатов и исторических хроник показывает, что подобный пуризм был чужд подавляющему большинству мусульманских ученых и просто образованных людей в Дагестане.

Дело в том, что здесь с раннего средневековья был распространен шафиитский масхаб (толк) суннитского ислама. Сегодня к нему принадлежат почти все мусульмане Дагестана. Только небольшая община азербайджанцев на Юге, охватывающая ныне всего 4,2% жителей республики, -состоит из шиитов. Между тем известно, что шафииты вообще более терпимы в толковании религиозной догматики и мусульманского права. Шафиитские богословы осуждают нападки мусульман-пуристов на культы святых шейхов как недопустимую крайность, противную учению основателя их толка аш-Шафи. Такое представление разделяло большинство мусульманских ученых дореволюционного Дагестана.

При их попустительстве почитание местных святых в 11-19вв. процветало по всему Дагестану. Что же привлекало к ним простой народ? На наш взгляд, это в первую очередь приписываемая святым шейхам способность творить чудеса. Кроме того, в этих культах выработалась богатая красочная обрядность, которой простонародью не хватает в интеллектуальном исламе богословов и книжников. Шиназские материалы вполне подтверждают наши предположения.

По общераспространенному в селе мнению, не бывает святых, не умеющих творить чудеса. Как рассказывают старожилы, того или иного алима или юродивого нередко признавали святым сразу после чудесного знамения, произошедшего у его могилы. Показательна история, случившаяся в конце 18 века с учеником Исмаила Шиназского Гъарибом. По навету его обвинили в прелюбодеянии и казнили, побив камнями. Однако на следующий день тело Гъариба, брошенное на растерзание диким зверям, нашли не только нетронутым ими, но и обмытым и полностью обряженным для погребения. Шиназцы увидели в этом чудо, ниспосланное Аллахом для оправдания оклеветанного праведника, и тотчас похоронили юношу как святого. Его гробница донныне сохранилась в окрестностях Шиназа. Своеобразный обычай почитания этого шейха до сих пор требует, чтобы каждый прохожий бросал

по три камушка в высокую кучу камней, выросшую за два столетия возле могилы святого.

Немало шиназских юродивых было признано святыми после таинственного исчезновения их из мира живых людей. В народе их называют «чудесно исчезнувшими». Среди последних, наиболее прославилась юродивая Гьа1йишгай из рода Даравар. Эта отверженная 16-летняя девушка, презираемая всеми за неряшество, однажды вывела на дорогу заблудившихся в горах паломников, возвращавшихся в Шиназ после хаджа в Мекку. Вскоре после этого случая Гьа1йишгай пропала из села. Этого было достаточно, чтобы объявить её святой. Спасение паломников было признано первым чудом Гьа1йишгай, совершенным ей по воле Аллаха. Хотя тело новой святой не было обнаружено, ей все равно построили каменный мавзолей возле этого дома, где она жила. Это небольшое строение до сих пор считается сокровищем рода Даравар. Внутри мавзолея показывают чудесно запечатленный на камне след босой ноги святой Гьа1йишгай.

Шиназцы проявляют к чудесам своих шейхов не просто праздный интерес. Для них они имеют важное практическое значение. Широко распространено поверье о возможности чудесного исцеления от бесплодия или тяжёлой болезни возле святых гробниц. Бездетные женщины не только из Шиназа, но и из окрестных аулов нередко совершают паломничество (зиярат) к могилам шиназских шейхов. Свою молитву к святому о даровании им ребенка они подкрепляют целым рядом магических действий. Они трижды обходят святилища слева направо, увешивают лоскутьями растущие рядом деревья, надевают на себя купленные в святилищах амулеты. Больных детей заставляют пролезать сквозь узкие туннели, вырытые в земле возле святилищ. Сразу же после этого туннели засыпаются землей. Считается, что такими магическими приемами можно выпросить у усопших шейхов спасения от величайшей для человека на земле беды-опасности пресекания его рода.

Интересно отметить, что по народным верованиям между святым и поклоняющимся ему людьми устанавливаются отношения взаимобязательного обмена дарами. Если шейх обнаружил свою чудотворную силу и начал помогать своим односельчанам, последние должны построить ему мавзолей-святилище. Обычай возлагает эту почетную обязанность на близких родственников и соседей святого. Как и повсюду в Дагестане, они строят над его могилой небольшой каменный домик с плоской крышей, без окон и с одной дверью. Внутри он пуст.

Снаружи его обычно белят. Над крышей святилища укрепляются высокие шести, увенчанные разноцветными лентами. Ночью в мавзолее обычно зажигают лампаду. Пол его регулярно подметают пальмовым веником, смочив его водой из протекающей под селом реки Шиназчай. Причем приносить ее необходимо на рассвете, сразу же после совершения утреннего намаза.

Владельцам и служителем при святилище может быть только родственник шейха, к тому же уже совершивший хадж. Поклонение же шейху, как правило, ограничивается пределами одного из пяти кварталов Шиназа. Его жители время от времени приносят к святилищу жертвенную еду. После молитвы к святому с упоминанием имен родителей и предков дарителя слугитель мавзолея раздает эту еду по дворам квартала. Когда шиназцам хочется уговорить святого выступить перед Аллахом ходатаем за свои личные просьбы, они совершают перед мавзолеем благотворительную милостыню (садаку), угощая всех жителей своего квартала мясом жертвенного быка. Тем самым поклонение святому укрепляет узы семейно-клановой и квартальной солидарности шиназцев.

К наиболее могущественным шейхам, почитаемым всем аулом, могут обращаться с важными общественными просьбами от лица всей сельской общины. Обычно такие просьбы касаются прекращения мора скота, засухи или затяжного дождя. В первом случае шиназцы прибегают к магическим приемам, сходным с теми, что практикуются при «лечении» святыми женского бесплодия и тяжелых детских болезней (см. выше). Дело в том, что все эти болезни считаются делом рук одних и тех же злых духов, с которыми борется святой. Так, после полуденного намаза больных овец трижды обводят слева направо вокруг святилищ, стоящих на древних родовых кладбищах села. Иногда их прогоняют сквозь вырытый возле мавзолея подземный туннель, который тотчас после этого

засыпается. При этом совершается жертвоприношение, а сельский мулла (дибир) читает молитвы в присутствии всех жителей аула.

Особенно важную роль в жизни аула играют магические обряды, связанные с вызовом дождя во время летних засух. Местом их проведения может служить не любое святилище Шиназа, как это было в описанных нами случаях, а два конкретных мавзолея – Мазыйды уджа и Хазыйды уджа. Прежде всего, старики во главе с сельским дибиром идут к первому из них. Возле святилища приносят в жертву быка и раздают его мясо всем желающим как благотворительную милостыню. Если этот способ не увенчивается успехом, дождь пытаются вызвать, окуная в реку временно снятые с крыши того же мавзолея шесты с лентами, либо бросая в нее мусор, выметенный из святилища Хазыйды уджа.

Еще одним «верным» способом прекращения засухи считается обычай похорон куклы – годей. Он начинается тем, что толпа девушек с песнями, призывающими дождь, носит наряженную в женское платье куклу по всем домам своего квартала, собирая подаяние мукой, мясом, сыром и другими продуктами. Обойдя весь квартал, процессия торжественно «хоронит» куклу в мавзолее Хазыйды уджа, где также имеется детское кладбище. Обряд кончается пышными «поминками». На них из собранного девушками подаяния ставится угощение для всего квартала.

Похожая церемония устраивается для вызывания солнца в период затяжных дождей. Только тексты песен, которые поют шиназские девушки, содержат противоположные просьбы о прекращении дождя. Оба этих обряда шиназцев имеют хорошо известные аналоги у азербайджанцев, лезгин, табасаранцев и других народов Южного

Дагестана³³⁰. В основе их лежат ещё доисламские сельские культы стихийных духов. Однако за 12 веков господства ислама в регионе они полностью потеряли своё первоначальное самостоятельное значение и вошли в обряд поклонения мусульманским святым в качестве его отдельных элементов.

То же самое можно сказать и о представлениях шиназцев о передаче чудодейственной силы, присущей местным святилищам, живым людям при помощи тайных магических операций. Эти верования связаны с устраивавшимися прежде под некоторыми святилищами подземными помещениями. В Шиназе их называют «ямами для приобретения познаний в чудотворстве». До установления советской власти в селе их было больше десяти. К настоящему времени неплохо сохранились только два таких помещения – в Верхнем и Восточном кварталах аула.

Последнее было вырыто у входа в мавзолей святой Гьалйишгай и почти не пострадало от времени. По нему мы можем судить о том, как выглядели эти подземелья.

Это небольшая комната с земляным полом и каменными стенами, сложенными из речного камня. Вместо потолка она перекрыта монолитной плитой из песчаника, в которой есть прямоугольное отверстие для спуска под землю. Оно плотно закрывается небольшой, но тяжелой плитой из того же материала. В северной стене подземелья, под самым потолком, выложена небольшая ниша, вероятно, устроенная для светильника. Проведенные Р.А. Рамазановым обмеры обеих сохранившихся подземелий показали, что глубина их могла быть совершенно различной. В «яме» из Восточного квартала она составляет 1 м 30 см. По словам информаторов, её рыли с тем расчетом, чтобы полностью изолировать находящегося в подземелье человека от шума и

звуков надземного мира. Предназначались эти подземные комнаты для сорокодневного отчитывания только что умершего покойника по сборнику мусульманских молитв. Шиназцы верили в то, что это должно облегчить покойному уготованные ему адские мучения.

Кроме того, в народе распространено представление о том, что такие подземелья тайно используются некоторыми шиназцами с целью овладения способностью творить чудеса, подчиня себе могущественные потусторонние силы, заключенные в святилищах. Опрошенные нами шиназцы уверены, что решившему стать чудотворцем, достаточно провести в подземелье те же 40 дней, непрерывно читая книгу молитв и заклинаний. Перед началом чтения он садится, оборотясь лицом к Мекке, и очерчивает вокруг себя углем магический круг для защиты от демонов. Враждебные духи пытаются всячески испугать чтеца и заставить его выйти из круга. Ему мерещатся сонмы чудовищ, мучающие его родных и близких.

Преступившего за пределы круга ждет немедленная смерть. Так по легенде погиб некий Самбыриджаб, растерзанный духами в горах недалеко от Шиназа. Скала в ущелье, возле которой произошла эта история, сегодня называется его именем. Выдержавший испытание становится настоящим чародеем. По народным поверьям, он по своему желанию может мгновенно переноситься в любое место, проходить сквозь стены, делаться невидимым и совершать другие сверхъестественные действия. При этом он должен хранить свое магическое искусство в тайне от других людей, ибо иначе может лишиться магической силы. Здесь мы имеем дело с общераспространенным фольклорным мотивом запрета наблюдения за волшебными

превращениями.

Выше были рассмотрены важнейшие традиционные черты шиназских культов шейхов-чудотворцев, выработанные начиная с глубокой древности. Сегодня они все же во многом определяют народное религиозное сознание шиназцев и жителей других мусульманских сел Южного Дагестана. В то же время нельзя забывать, что в 20 веке исламской культуре шиназцев произошли серьёзные перемены, вызванные антимусульманскими гонениями советского времени.

Вскоре после окончания гражданской войны и установления в 20-ые годы советской власти на советском Востоке арабомусульманская культура повсюду была объявлена вне закона. Её важнейшие святыни начали последовательно уничтожаться. Вандализм, возведенный в СССР в ранг государственной культурной политики, не пощадил и мусульманских древностей Шиназа. Еще до начала Великой Отечественной войны в руины были

обращены все 11 мечетей Шиназа, а также бывшая школа Исмаила Шиназского. Огромная арабская библиотека, составлявшая предмет гордости шиназских Алимов, была полностью разгромлена. Большинство книг и рукописей, хранившихся в ней, было сожжено в 30-е годы. Кроме того, в ходе сталинских репрессий 30-50 годов погибло много шиназцев, среди которых оказались крупнейшие алимы села.

Продолжавшиеся при Хрущеве, а затем Брежневле преследования мусульман и уничтожение памятников арабомусульманской культуры нанесли интеллектуальному исламу книжников и богословов Южного Дагестана невосполнимый ущерб. Сегодня в Шиназе и многих других аулах этого региона полностью прерваны местные традиции арабо

мусульманского образования и живой арабоязычной литературы, которой ещё в 40-е годы так восторгался академик И.Ю.Крачковский.

подавляющее большинство современных шиназцев не может прочесть ни строчки из арабских рукописей своих знаменитых предков и земляков.

От советских религиозных репрессий сильно пострадал и протонародный «ислам Гробницы». Уже 20 – 30 годы в Шиназе и его окрестностях были снесены почти все мавзолеи. Целый ряд могил святых шейхов был распахан под пашню; устроенные при них подземные помещения -засыпаны землей или завалены камнями. Арабские сборники молитв и заклинаний, которыми пользовались шиназские чудотворцы, были сожжены. Поклонение местным святилищам было объявлено вне закона и приравнено к уголовным преступлениям. Религиозные гонения 30 – 50 годов не обошли стороной и живых шиназских чудотворцев, многие из которых стали жертвами репрессий дагестанского ГПУ-НКВД.

В этом отношении характерна судьба шиназца Гьалджи-Рамазана. За свою приверженность исламу он был обвинен в «контрреволюционной деятельности» и посажен в районную тюрьму, находившуюся в селе Ахты. Через несколько лет его выпустили на свободу, но до самой смерти оставили под наблюдением районных органов госбезопасности. По словам старожиллов, Гьалджи-Рамазан был одним из самых знаменитых шиназских чародеев. В Ахтынской тюрьме в часы молитвы он свободно выходил из запертой камеры, чтобы по всем правилам совершить намаз. Только в последние годы своей жизни он, по рассказам знавших его людей, потерял способность творить чудеса.

История Гьалджи-Рамазана любопытна тем, что показывает, насколько сильна оказалась вера шиназцев в чудеса своих святых. Советские гонения против покойных шейхов и живых чудотворцев только укрепили приверженность дагестанцев к «исламу Гробницы». Так, наши полевые материалы свидетельствуют о продолжении в советское время тайного почитания местных святилищ не только в Шиназе, но и в других селах Нагорного Дагестана. Кроме Гьалджи-Рамазана Шиназского появилось немало других новых дагестанских шейхов советского времени, признанных святыми своими односельчанами. Поклонение их могилам сегодня довольно точно следует выработанным веками нормам культа святых, описанным нами выше.

При советской власти значительно выросло значение паломников (зияратов) к прославленным святилищам Южного Дагестана. Из-за запрета хаджа и закрытия советской границы для мусульманских паломников в 20-е годы жители дагестанских сел вынуждены были довольствоваться паломничествами к гробницам местных шейхов. С этого времени непрерывно растет поток паломников к шиназским святыням. Причем уход за ними все больше уподобляется уходу за Каабой в Мекке, а в архитектуре шиназских мавзолеев, отремонтированных в советское время, можно заметить подражание зданию мекканского храма.

Несомненное укрепление позиций культов мусульманских святых наряду с деградацией книжной исламской культуры, произошедшее в Южном Дагестане при советской власти, сегодня определяет ход послесоветского развития сельского ислама в этом регионе. Движение за возрождение высокого интеллектуального ислама в начале 90-х годов охватившее центральные и северо-западные районы республики, так и не

дошло до её Юга.

В настоящее время в северном и центральном Дагестане исламское образование поставлено намного лучше, а политическая активность мусульман неизмеримо выше. Здесь находится большинство восстановленных мечетей, число которых к 1995г. намного превысило 5 тысяч, основная масса заново созданных медресе и все шесть Исламских институтов с Горной кавказской исламской академией. Среди местной сельской и городской молодежи появилось немало поклонников дореволюционных суфийских братств накшбандиев и кадиритов, возродившихся после распада Советского Союза и краха советского строя на Северном Кавказе. Кроме того, на Севере Дагестана действует ряд возникших в 1989-1994гг. политических исламских движений и групп, представители которых в марте 1995г. вошли в новый дагестанский парламент.

Ничего подобного сегодня нельзя наблюдать ни в Шиназе, ни в большинстве других южнодагестанских аулов. Здесь все еще не восстановлено множество разрушенных в советское время древних мечетей и медресе. Число действующих мечетей не велико. По подсчетам дагестанского социолога и политического деятеля Д.Халидова, оно в 3, а в некоторых районах и в 5 раз уступает числу мечетей в горах центрального и северо-западного Дагестана. Порой эта разница еще более разительна. Так, если в таких крупных южных аулах, как Ахты и Шиназ, открыто всего по одной мечети, то в центральнодагестанском селе Губден, где живет почти столько же мусульман, их теперь 25. Кроме того, в Шиназе и других южных аулах сегодня остро не хватает образованных Алимов, способных справиться с обязанностями имама мечети (дибира) и

сельского судьи по шариату (кади).

На фоне упадка книжной и богословской исламской культуры в регионе продолжает расти роль местных культов мусульманских святых в

жизни горных сел Южного Дагестана. Последние два-три года они исповедуются совершенно свободно. С прекращением строгого государственного контроля за религиозной жизнью дагестанцев

паломничества к святым местам и гробницам Шиназа и других южных аулов вновь стали открытыми. Возле святилищ все чаще устраиваются массовые публичные церемонии и жертвоприношения. Наиболее почитаемые мавзолеи, разрушенные в советское время, восстановлены совместными усилиями местных мусульманских общин.

Следует отметить и усиление чисто культурного влияния «ислама Гробницы» на современных дагестанцев. В условиях кризиса государственной светской школы и отсутствия исламского образования простонародные культы местных святых определяют религиозное мировоззрение большинства горцев. Шиназские материалы показывают, что они с детства усваивают представление о шейхах-чудотворцах как необходимых посредниках между мусульманской общиной (джамаатом) и Аллахом. В дальнейшем верования и обряды культа мусульманских святых воплощают для них учение и законы ислама, к которому согласно выборочным социологическим опросам 1992-1994гг. относит себя 85% дагестанцев.

Кроме того, поклонение наиболее прославленным местным шейхам все больше становится фактором межнационального и политического

сплочения мусульман Южного Дагестана. Причем в отличие от Северного и центрального Дагестана, где местные алимы образовали в 1992-1993гг. отдельные национальные (аварское, кумыкское, даргинское и лакское)

духовные управления мусульман. Однако на Юге республики так и не возникло самостоятельного муфтията. Здесь получили распространение региональные Фонды, носящие имя местных шейхов.

Шиназцы пока еще не приняли участия ни в одном из них. Но жители ряда соседних районов сегодня активно поддерживают возникший в конце 1993г. Фонд Мухаммеда Ярагского, признанного святым знаменитого дагестанского шейха 19 века, уже упоминавшегося в нашей статье. Эта культурно-просветительная и политическая организация объединила более 20 колхозов, совхозов и кооперативов, светских ученых и духовных лиц. Цель фонда – строительство на родине шейха в селе Яраг мемориала с джума-мечетью, медресе и святилищем мазаром. К настоящему времени в Яраге уже начато возведение этого комплекса, после торжественного перенесения сюда горсти земли с могилы шейха Мухаммеда в селе Согратле.

Из всего вышесказанного становится ясно, что культы мусульманских шейхов-чудотворцев должны сыграть немалую роль в социально-политическом и культурном развитии современного Южного Дагестана. Окрепший в годы советских антимусульманских гонений народный ислам уже сегодня определяет ход трансформации послесоветского сельского общества этого региона.